

Люди желают, чтобы добро побеждало. Всегда. Но жизнь – штука сложная. Иногда одержанная победа – лишь иллюзия, грёза. И тогда, открыв глаза, человек вновь оказывается по шею в грязи...

Коренастый широкоплечий бородач в натовском камуфляже поднялся с покрытой травкой земли, ещё раз воздел руки к безоблачному ярко-синему небу и, поклонившись напоследок в сторону своей родины, открыл глаза. Загорелый наголо бритый череп, украшенный шрамом, блестел на солнце капельками пота.

Второй год воюет он, очищая от неверных эту дикую страну. Поначалу всё здесь казалось чужим: и высокие скалы, покрытые лесом, и обилие чистых речушек, и нравы необузданного народа, которому пришёл помогать. А на родине, там, где-то далеко южнее, кроме красивых городов, только песок, пустыня с редкими оазисами до самого горизонта. Тут – наоборот: природа прекрасна, селения же разорены войной. Трудно с этими людьми. Нрав их подобен горной реке: сейчас вода течёт спокойно, а в следующий миг – обрушивается в ущелье неудержимым потоком, разбиваясь о камни. Даже их гортанная речь под стать характеру. Но так нужно для дела, и он, Мустафа, ко всему привык. В конце концов это его братья по вере, пусть диковатые и многому их ещё надо учить.

10

Мустафа, поигрывая ножом, взглянул на кучку пленных солдат. Их израненные грязные тела, прикрытые вонючими окровавленными лохмотьями, смердели на солнцепёке. Четверо пленных, вытасненных на свет из глубокой ямы, сидели на земле, ожидая очередной экзекуции. Приближался полдень – и, несмотря на осеннее время, становилось жарко. Сейчас этих ублюдков вновь начнут бить, запугивать, передёргивая затворы и приставляя дуло к виску, тыкать их, связанных, кинжалами, рая не очень глубоко – так, чтобы помучились, но живы остались.

Всё это действие, служившее ежедневным развлечением для воинов группировки Амира, разыгрывалось ради двух зрителей. Вот они, чуть поодаль: мужчина и женщина. Такие же грязные и потные; связанные, но без следов крови и побоев. Журналисты из цивилизованной Европы, взятые в заложники; за них светит хороший выкуп. Перед их взорами будут сейчас вновь пытаться русских, с которых нечего взять. Час, другой, третий – а потом европейцам дадут телефон. И они, впечатлившись, растрогавшись до слёз и соплей, станут срывающимися голосами умолять людей, сидящих в уютных кабинетах с кондиционерами за полторы тысячи километров от этих гор, ускорить сбор денег.

Те четверо русских. Когда придёт час, Мустафа с радостью перережет каждому горло!

Но более остальных презирал Мустафа того придурка-доходягу, что выплясывал вчера на потеху бойцам Амира. Воины после ужина врубили CD-проигрыватель, и этот белобрысый веснушчатый тощий урод, с дурацким именем Федя, пустился в странную пляску. За кусок лепёшки! Как можно так унижаться?! Размышляя об этом, бородатый воин поймал на себе взгляд этого мерзкого Феде; тот сразу – наверное, испугавшись – отвёл глаза в сторону. Этот взгляд взбесил Мустафу. Изрыгая проклятия, он плюнул в сторону пленников. Всё бы ничего, но что в этом безмозглом псе Мустафу сильно настораживало. Наверное, то, что этот ненормальный так не похож на настоящего мужчину, воина!

Тут бойцы решили поразвлечься, как вчера: врубили музыку. Послышались возгласы: «Федя, эй! Давай танцуй!»

Рука Мустафы крепче сжала рукоятку ножа. Солнечный луч ярко вспыхнул, отразившись от идеально заточенного лезвия...

1

Московская Олимпиада закончилась убедительной победой советских спортсменов. Народ, ведомый коммунистической партией в светлое будущее, вновь доказал всему миру превосходство в спорте. По выпуклому экрану чёрно-белого «Изумруда», стоящего в комнате отдыха отделения патологии, бежала рябь. Из-за помех зрительницы догадывались о том, что показывают, лишь в общих чертах. Домыслить происходящее на экране помогал бодрый голос Николая Озера. В Кирове транслировались две программы Центрального телевидения, но старый телевизор, оборудованный гвоздём вместо антенны, с трудом ловил лишь одну. Четыре беременные женщины, досмотрев, то есть дослушав церемонию закрытия игр, собирались расходиться по палатам. Взлетевший на шариках в ночное небо над стадионом «Лужники» олимпийский мишка не успел ещё окончательно скрыться в небесах, когда покой родильного отделения Северной больницы города Кирова нарушили душераздирающие крики нового человечка...

Когда в Кирове было уже далеко за полночь, на другой стороне земного шара рабочий день только лишь подходил к концу. Душный влажный воздух внутри небольшого ангара, казалось, прилипал к телам мужчин, копошащихся вокруг стального монстра. Зенитная ракета, серо-синяя, с короткими белыми крыльями, покоилась

на специальной подставке с колёсиками, как на операционном столе.

– Здесь не хуже, чем в Филейской бане, – кисло пошутил один из присутствующих, – только веника не хватает, берёзового.

– Какие проблемы? Сходи на улицу, с пальмы наломай, – вяло отвечали ему.

На лбах густела испарина. Белые халаты (их облачение) давно покрылись влажными пятнами пота. Положение усугублялось лёгким абстинентным синдромом (накануне вечером обмывали спортивные успехи СССР). Употреблять технический спирт летом в тропиках – тоже своего рода искусство.

За возащимися с ракетой людьми в белых халатах внимательно наблюдали стоящие чуть в стороне смуглые черноволосые мужчины, зятянутые в комбинезоны цвета Verde Oliva. Лишь изредка перебрасывались они дежурными фразами о погоде.

– Los rusos no se aguanta el calor?

– Entonces, en Angola, les sería muy malo!*

Местных военных жара и духота, кажется, совсем не трогали. Увлечённые происходящим, они боялись помешать священнодействию. Происходящее с ракетой напоминало офицерам Революционных вооружённых сил хирургическую операцию: многие из них в своё время прошли через полевые госпитали. Кому-то и жизнь спасли такие же светлокожие люди в белых халатах.

Скрипнула тяжёлая дверь, и в ангаре появился ещё один русский (за полчаса до того его вызвали в штаб к телефону). Все взгляды устремились на вошедшего. Тот, стоя под потрёпанным плакатом с призывом: «Patria o muerte!»**, слегка пожал крепкими плечами, затем его волевое лицо на миг приобрело по-детски наивные черты.

Взъерошив аккуратно зачёсанные назад русые волосы, он расстегнул верхнюю пуговку и громко объявил: «Мальчик! Три с половиной кило, пятьдесят два сантиметра. Я – папа!»

Все – и коллеги, и местные вояки – оставив ненадолго ракету, принялись дружески хлопать по плечам и трясти его руку. Один другому, тяжело вздохнув, тихонько шепнул: «Значит, вечером опять спиртягу бананами закусывать придётся».

* – Русским так не нравится жара?

– Тогда туго пришлось бы им в Анголе! (испан.)

** «Родина или смерть!» – лозунг кубинских революционеров.

Игорь по жизни шёл напролом. Рождение сына стало для него ещё одним достижением в череде больших и малых побед. В активе уже имелись: школа, оконченная с золотой медалью, красный диплом института, перспективная должность на крупнейшем в городе оборонном предприятии – КМПО имени XX партсъезда, женитьба на голубоглазой светловолосой красавице Ольге – студентке филологического факультета...

«Наконец-то!» – ликовал Игорь Михайлович, выкидывая из головы мрачные воспоминания о том, как жена долго не могла забеременеть. В ту пору он даже засомневался в правильности своего выбора. Всё чаще возникали ссоры по пустякам в их новенькой квартире, получением которой от завода вне очереди он так гордился. Вот и талон на автомобиль подоспел; мечта любого советского человека – новенький ВАЗ-2106 стоял теперь, радуя сердце, в гараже. Ему нужен был ребёнок.

И вот сбылось – у него сын! Новая веха в жизни, новые обязательства. Для того чтобы его ребёнок вырос достойным человеком, Игорь собирался использовать все возможности: и те, что есть в распоряжении сейчас, и те, что обязательно появятся в обозримом будущем. Он хотел назвать сына Михаилом в честь своего отца, партийного функционера районного масштаба, скончавшегося от запущенной пневмонии через год после их с Ольгой свадьбы.

Игорь рассчитывал вернуться из этой важной командировки в такую дружественную, но очень далёкую страну до того, как жена разрешится от бремени, но человек только предполагает... Недельки через три, из дальних странствий возвращаясь, Игорь Михайлович узнал: оказывается, у его сына уже есть имя. Жена, ни с кем не посоветовавшись, съездила в его отсутствие в загс, и...

– Ты же мне никогда не говорил, как хочешь его назвать, – оправдывалась она после.

– Да ну! Я всегда твердил, что Миша – хорошее имя!

– Хороших имён много. Откуда я знала, что тебе именно так приспичило?

О, эта женская логика! Конечно, в чём-то Ольга права; он действительно ни разу не сказал супруге, что сына назвать надо обязательно так-то. Но и она хороша: не дождавшись мужа, дала сыну (его сыну!) имечко. И надо же было такое придумать!

– Ну с каких щей ты его так назвала?! Как в голову взбрело? Мой сын – Федя!

– Хорошее имя. Был такой русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский, если помнишь, – Ольга словно издевалась над мужем.

– Конечно, я знаю, что ты большая любительница литературы, – возмутился не на шутку Игорь, – но всему есть предел. Подумать только, назвать ребёнка в честь Достоевского! Горе от ума какое-то!

– Горе от ума – у Грибоедова в сочинениях, а у Достоевского, между прочим, – жена бросила выразительный взгляд, – «Идиот»!

Вот зараза! А может, он и в самом деле идиот, раз женился на такой заумной бабе?

Время шло. Постепенно привык Игорь Михайлович к имени своего сына. Некогда было заморачиваться. По работе его вновь повысили, а крохи остававшегося свободного времени съело строительство дачи. Иметь дачу требовалось, чтобы наличествовал весь «джентльменский набор» успешного советского человека. Воспитанием Феди, взяв в институте академический отпуск, занималась жена. Игорь Михайлович осуществлял лишь общее руководство и контролировал процесс – по крайней мере, ему тогда так казалось. Конечно, им было невдомёк, что радужным планам сбыться не суждено. Супруги и представить не могли, что Ольга уже не вернётся на любимый филологический, а Игорь в скором будущем и вовсе пожалеет о рождении этого мальчика.

В раннем детстве Федя был самым обычным ребёнком, голубоглазым, светловолосым – в мать. Но у каждого малыша есть особенности. У Феди имелось, пожалуй, лишь одно небольшое отличие от других детей. Он очень любил танцевать. Очень! Ещё ползая на четвереньках, едва услышав по радио песню, сразу начинал колыхать в такт головкой да раскачиваться из стороны в сторону. А как только научился стоять на ножках – при звуках музыки тут же принимался хлопать в ладоши и смешно подёргиваться.

По праздникам, когда собравшиеся в их доме – как правило, очень нужные и важные – гости бывали уже слегка подшофе, для Феди наступал его звёздный час. Крутились, шурша магнитной плёнкой, бобины крутого аппарата «Олимп-001», и крохотный карапуз, ещё и связать двух слов толком не умеющий, смешно вываливался, семена короткими ножками, на середину гостиной. Пританцовывал кроха неуклюже, но очень старательно! И ножкой топнет, и в ла-

дошки хлопнет, и покружится, и колёнце выгнет. Не танец – ветерок! Мальчишка радовался и плясал. А пьяненькие гости неизменно приходили в восторг и долго ещё требовали: «Танцуй, Федя!».

2

Да, с танцами всё было прекрасно, но вскоре родители заметили, что сынок слегка отстаёт от сверстников в умственном развитии. И с годами это проявлялось всё отчётливее.

Иногда случались у их мальчика какие-то непонятные видения, галлюцинации, что ли: родителей это очень тревожило, долго искали хорошего специалиста. Впрочем видения со временем прекратились, впоследствии о них старались не вспоминать. Пришла пора идти в школу. Им предложили обучение в специализированном учреждении для отстающих детей. Но Игорь Михайлович категорически возражал: «Позора не оберёшься!» Он когда-то планировал направить сына в самую престижную в городе школу с углублённым изучением иностранных языков – а тут такое!

В конце концов Федя пошёл учиться в самую обычную школу по месту жительства, располагавшуюся на Филейке – заводском микрорайоне. Дорогие репетиторы, нанятые отцом, чтобы мальчик не отставал от одноклассников, с утра до вечера заставляли паренька зубрить науки. Игорь всё ещё грезил, что когда-нибудь сможет гордиться сыном.

Горбачёвская перестройка повела страну к «свободному рынку», где каждый сам за себя. Отец всё повторял: «Хорошее образование необходимо для успешного старта».

Но к наукам Федя особого рвения что-то не проявлял. Всё чаще жаловались репетиторы, пытаясь оправдать траченные на них деньжищи неусердием подопечного, а хорошая отметка в дневнике была такой редкостью! Обычно учителя из жалости ставили Феде тройки, хоть и на них он явно не тянул.

Зато когда по телевизору показывали концерт с народными танцами, мальчишку просто невозможно было отодрать от экрана, до истерики доходило.

Отец брызгал слюной:

– Лучше б ты к математике так тянулся, бездельник, а не к этой ерунде!

– Оставь его, пусть смотрит, – вступалась за сына Ольга.

Она радовалась: хоть что-то по-настоящему интересно их Федю. Но и её иногда пугало, с какой жадностью впивался в такие минуты мальчишка в экран.

Игорь Михайлович, махнув рукой, хлопал дверью, а Федя, как только заканчивалась передача, долго пытался повторить запомнившиеся ему движения. Он жил этим.

Однажды, когда Федя учился в пятом классе, родители привели его на концерт в празднично украшенный заводской Дворец культуры. С мальчишкой такое случилось впервые. До этого момента Ольга специально не водила сына на подобные мероприятия, опасаясь, что увиденное вживую зрелище может слишком потрясти ребёнка. Но в этот раз обстоятельства так сложились: сам генеральный директор лично пригласил их семью на смотр-конкурс, где две песни должна была исполнять его внучка, ровесница Феде.

Всё шло своим чередом. Переполненный зал рукоплескал сменявшим друг друга артистам самых разных жанров. Вначале выступали самодеятельные коллективы заводских цехов. Но чем дальше, тем выше становился уровень мастерства выступавших. Родители с некоторой опаской посматривали на Федю, которого всё больше завораживало происходящее на ярко освещённой сцене. Директор, невысокий полный мужчина в золотых очках, рядом с которым сидел Игорь Михайлович, немного нервничал, но внучка выступила замечательно, и на радостях генеральный с отцом даже обнялись. Для Федино папы и его дальнейшей карьеры сей маленький эпизод значил весьма многое: дружба с директором поднимала возможности служебного роста на небывалую высоту.

Под громкие аплодисменты ушли со сцены артисты известного на всю страну хора мальчиков «Орлята». Концерт, завершать который должен был знаменитый коллектив «Хлыновские бояре», близился к концу. Но до «бояр» под яркие софиты высыпал детский хореографический ансамбль «Родничок». Зазвучали первые аккорды русской народной плясовой. Одного взгляда на Федю в тот момент хватило бы, чтоб понять: сейчас случится нечто из ряда вон! Мальчик пристально тарачился на сцену; пальцы, вцепившиеся в подлокотники кресла, побелели от напряжения. Мать, беспокоясь, прижала крепче Федю под локоть. Отец, отвернувшись, болтал с директором и не видел, что творится с сыном.

Когда номер только подбирался к середине, Федя не выдержал и рванул что есть мочи на сцену. Мать только охнула, отец впал в ступор. Зрители вначале ничего не поняли, но вскоре разобрались. Дружный хохот разрывал зал и сердце Игоря Михайловича. Сотни людей смеялись над его бегавшим по сцене сыном. Слегка рассмеялся, не удержавшись, и директор. Между тем номер нарушился, юные танцоры, выряженные в косоворотки и сарафаны, застыли на месте. Вот уж и музыка стихла, а Федя всё прыгал, прыгал. Люди растерялись: никто не мог понять, что делать. Наступило неловкое молчание. Игорь и Ольга испытывали только одно на двоих жгучее желание: сию секунду провалиться под землю – и как можно глубже. Тягостную тишину, повисшую в зале, нарушал лишь топот ног мальчика, который всё пытался выплясывать среди расступившихся артистов. Зрелище не для слабонервных!

Игорь Михайлович сидел потупившись. Краснея и сгорая от стыда, уставился он в потёртые доски. Наконец, не выдержав позора, вскочил и начал пробираться к выходу. До Ольгиных ушей долетело лишь одно короткое слово, сорвавшееся с его языка: «Идиот!». Ей стало дурно, слёзы размыли тушь. «Это он о сыне так! Что же делать? Надо взять себя в руки!» Ольга скомандовала себе посмотреть на сцену. Тишина. Зрители в шоке. Её мальчик изо всех сил старается, пляшет. Артисты, стоя вокруг в недоумении, смотрят на него, как на придурка. Её сын нуждается в поддержке. Ольга прошептала: «Федя, танцуй!» – и принялась тихонько хлопать в ладоши.

Мгновения тянулись невыносимо, словно кадры замедленного повтора. Директор, сидя рядом, посматривал, насупившись, то на маму мальчика, то на сцену. Вдруг, сам того не ожидая, он поднял руки и принялся хлопать вместе с Ольгой. Примеру шефа последовали многочисленные окружавшие его подчинённые. Через минуту-другую в такт хлопал весь зал. Аплодировали и оттеснённые Федей в сторонку юные артисты из «Родничка».

Эти хлопки задали ритм танцу – и Федя разошёлся не на шутку. Его движения обрели уверенность и чёткость. Он шёл прямо над первыми рядами по бровке подмостков, наступая на краешек стопы. Делал шаги, выдвинув левую ногу вперёд, отталкиваясь правой. Вдруг, прыгнув в центр сцены, начал «дробить», делая быстрые движения ногами, то стоя на одном месте, то

продвигаясь вперёд. А дальше и вовсе принялся выделывать такие колёнца, что у зрителей дух перехватило!

Теперь вряд ли кто-то усомнился бы в том, что выступает танцор-профи, а всё произошедшее – оригинальная задумка руководителя ансамбля. От этого невероятного танца у зрителей волосы вставали дыбом и мурашки шли по спине. Не танец – вихрь! А когда Федя с поклонником закончил, зал взревел от восторга. Огромная люстра вибрировала, готовая обрушиться на головы зрителей. Кулиса за сценой оборвалась из-за оглушительных децибелов. Таких оваций заводской Дворец культуры ещё не знал!

Мама была вся в слезах – теперь от счастья. Её сыном восхищались! После концерта к ним подошла красивая подтянутая женщина, руководитель «Родничка». Поправляя каштановые кудри, она тараторила:

– Ваш мальчик потрясающе танцует, у него талант! Где он занимается?

– Федя – самоучка.

– Не может быть, просто невероятно! Ему обязательно нужно расти под руководством опытного наставника. Мальчика ждёт большое будущее. Приводите его в наш коллектив, с удовольствием им займёмся.

– Большое спасибо. Я посоветуюсь с мужем – и, скорее всего, мы к вам придём.

Но радостный рассказ окрылённой Ольги не вызвал у Игоря Михайловича ничего, кроме раздражения. Он очень злился за случившееся и отреагировал весьма жестоко: запретил Феде не то что танцевать, но даже смотреть концерты по телевизору, стал с ещё большим остервенением принуждать ребёнка заучивать непонятные предметы. Постоянно теперь попрекал и сына, и жену: мол, оба они – глупые бездари. Всё чаще Игорь Михайлович жаловался на жизнь: за что ему такое наказание – мучиться с ними.

Вскоре мамино сердце не выдержало. Она слегла, и её отвезли в больницу.

3

Федя ходил к маме после уроков каждый день. Мальчик с грустью подмечал те изменения, что происходили с самым близким человеком. Лёжа в этом сером, пропахшем лекарствами здании, мама увядала. На красивом, несмотря на болезнь, лице появились чуть заметные морщинки; всё реже она улыбалась. Игорь из-за

своих многочисленных обязанностей по работе нечасто навещал Ольгу. Иногда не появлялся по нескольку дней.

«Папа у нас теперь важная шишка, работает допоздна», – оправдывала отца перед Федей мама. Сама же после ухода сына подолгу плакала.

Как-то в школе отменили два последних урока. Успев на этот раз сбежать от одноклассников, желавших, как обычно, поизмываться над ним, Федя явился домой раньше. Думал, придётся торчать до похода к маме в пустой квартире, но ошибся: отец почему-то оказался дома. Он слегка нервничал, выглядел чуть усталым. С ним была ярко накрашенная молодая тётя, она тоже немного нервничала, хоть и пыталась как-то шутить. Отец сказал, что это его секретарь с работы, она здесь помогает ему готовиться к совещанию – и дал сыну пригоршню шоколадных конфет. Федя и удивился, и обрадовался такой неожиданной щедрости.

– Только матери ничего не говори – она огорчится. Понял? – попросил папа.

– Про конфеты? Я не скажу, – заверил сын.

– И про конфеты тоже, – отец горько вздохнул, сознавая, что тугоумие сына теперь его спасает.

Стояла поздняя осень. Полуобнажённые берёзки стыдливо покачивали верхушками, а злодей-ветер всё трепал их. Дождь лил как из ведра. Промокший до трусов Федя, зайдя в больничную палату, увидел, что мама совсем плоха.

Он не знал, что делать, и просто спросил:

– Мама, как тебе помочь?

Ольга долго и задумчиво смотрела на лицо сына взглядом, полным боли.

– Спляши для меня, как тогда, на концерте, – тихо попросила она.

Федя растерялся. Плясать здесь, посреди больничной палаты, в окружении хворающих тётток? Но одна из маминых соседок, чуть улыбнувшись, поддержала:

– Порадуй маму, сынок. Она столько рассказывала про твои танцы, и нам хочется посмотреть. А вдруг она всё выдумала?

Принялись уговаривать Федю и другие пациентки. Мальчишка сидел на краешке маминой кровати, а несколько женщин, сгрудившись вокруг, всё упрашивали и упрашивали. Федя смотрел на них снизу вверх; на серый линолеум падали капельки, стекавшие с его мокрых волос; по ржавому подоконнику барабанил дождь; на столе покоилась только что распечатанная пач-

ка салфеток. Хлопнула форточка, и в палату вошёл свежий ветерок.

За шумными женщинами увидел паренёк незнакомца. Высокий светловолосый мужчина с короткой бородкой, одет в ослепительно белую одежду – наверное, врач. Пациентки не обращали на него ровным счётом никакого внимания, словно не замечали, всё настойчивее продолжая разговоры. А Федя не слышал их, он уставился на врача. Мальчишке было важно, что тот скажет: всё-таки он здесь главный, ему решать.

Доктор, скрестив на груди руки, долго слушал, как бабы уговаривают паренька, а потом, улыбнувшись, тихо молвил:

– Танцуй, Федя. – И стал притопывать.

– Хорошо, – обрадовался мальчонка и, легко поднявшись, начал пританцовывать в такт.

Постепенно ритм его движений ускорился, и Федя пустился в пляс. Мама, лёжа в постели, улыбалась. Её соседки по палате хлопали в ладоши, разинув рты. Такое они видели впервые. Не танец – буря! Кровати словно сами собой разъехались в стороны. Пациентки прижались к стенам палаты. А посреди комнаты двигался Федя.

Он выплясывал и так, и этак. Вращался на двух прямых ногах, с руками, вытянутыми для равновесия в стороны. Потом вертелся на одной ноге, упёршись в пол пяткой и отталкиваясь другой.

Сквозняком распахнуло дверь и сдуло со стола пачку салфеток. Десятки белых бумажек кружили по всей палате, словно получая энергию от танцора. А Федя зажигал по полной. Хлопал, топал, приседал, крутился безостановочно на носке левой ноги, приподняв наполовину согнутую правую. Кувыркнувшись под конец, паренёк коротко поклонился. Финиш!

В палате воцарилась мёртвая тишина. Зрительницы от увиденного пребывали в лёгкой прострации. Мальчик и сам немного испугался; он поискал глазами врача – но того и след простыл. Федя подошёл к маминой кровати. Глаза Ольги были закрыты, лёгкая умиротворённая улыбка украшала её прекрасное, словно помолодевшее лицо. Она не дышала, душа покинула тело. Казалось, Федин танец помог маме легче отойти в мир иной.

Свинцовое ноябрьское небо плакало вместе с мальчиком, когда гроб с телом мамы внесли на отпевание в невысокий деревянный храм новомучеников Российских, недавно выстроенный на окраине города. Полумрак церкви

15

пах воском и ладаном. Со стен взирали лики святых. Низкий потолок давил на хрупкие Федины плечи, рядом стояла бабушка. Эту не старую ещё женщину горе от потери дочери, казалось, согнуло пополам. Печаль застыла в её влажных, красных от слёз глазах. Чуть дальше стоял отец в красивом чёрном костюме. Священник долдонил непонятные молитвы. Федя машинально прикинул, что под такое пение станцевать вряд ли получится. Затем мальчик увидал того самого доктора в белых одеждах, он появился прямо из алтаря. Изумлённый Федя уставился на него.

Краем уха паренёк слышал недовольный шёпот отца, обращённый к бабушке:

– Следи за ребёнком. Чего он так глаза выпучил? И пусть рот закроет, перед людьми неудобно.

Бабушка в свою очередь зашептала, всхлипывая, на ушко внуку:

– Федюшка, куда ты так смотришь, что там увидел такое?

А мальчик не отвечал, он не мог оторвать взгляд от сияющих одежд незнакомца, что-то большое выпирало у того из-за плеч. Федя не понимал: неужели только он один видит этого мужчину?! Парнишку вдруг пробрал страх.

– Не бойся! – громко обратился к Феде незнакомец. Затем, повернувшись, слегка расправил крылья и исчез в алтаре.

4

Вскоре после маминых похорон у мальчика случилось обострение: он рыдал, бился в истерике. Ему что-то кололи, в больнице выписали мощные успокаивающие препараты. Хотели поставить на учёт к психиатру, но отец, имевший определённое влияние в обществе, попросил этого не делать: обещал, что сына будут регулярно наблюдать лучшие медики. Он по-прежнему боялся позора.

А вскоре Федю определили жить к бабушке. Мальчишка плакал, забившись в дальний угол, тосковал по ушедшей мамочке. Бабушка у него, конечно, замечательная, но разве можно заменить маму? Как-то паренёк зашёл на пахнущую варёным картофелем и жареным луком кухню. Он спросил у занятой бесконечной готовкой бабушки про то, что давно тревожило:

– Разве ты не видела в церкви того светлого человека с крыльями?

А затем подробно рассказал всё, начиная с первой их встречи в больнице. Бабушка с недо-

верием отнеслась к Фединому рассказу, но, малость повздыхав, объяснила:

– Ты видел доброго ангела. Да, они такие.

Внучок успокоился, а когда уснул, бабушка набрала номер Игоря Михайловича.

– Кажется, у Феде опять начались эти видения, галлюцинации, что ли, как тогда, несколько лет назад, – всхлипывая, жаловалась она зятю. – Надо что-то делать, он мне сегодня такого нарасказывал!

– Нужно снова вести его к профессору Метелёву, он в прошлый раз хорошо помог. Отведите мальчика, я заплачу сколько надо, – сквозь помехи на линии хрипел голос Федино отца. – Скорей бы закончилась эта осень; проклятые дожди во всё виноваты!

Не успели Федю показать светилу медицины, как ударили первые морозцы. Подсохла, заледнела земля. Воздух стал прозрачен и свеж. Чистый снежок застелил собой некрасивость грязной земли, словно покрыв грехи мира. Федя стал бодрее – и тот беспокойный разговор постепенно стёрся из памяти бабушки и отца...

Игорь Михайлович давно понял, что со своими талантами и связями – как среди чиновников, так и в корпусе вятских промышленников – сможет в новых условиях круто развернуться. Уйдя с завода, сделался он крупным бизнесменом. В стране начался настоящий бардак. Каждый, у кого имелась хоть малейшая возможность, пытался что-то урвать, а тот, кто этого не делал, оставался за бортом корабля, плывущего в «светлое капиталистическое будущее». Лёгкие деньги рекой потекли в карманы нового русского. Игорь покупал наряды, машины, квартиры.

Вскоре после смерти Ольги он женился во второй раз – на той самой молоденькой секретарше, что помогала ему «готовиться к совещаниям». Но были у крутого бизнесмена и другие «помощницы». Впрочем, новая жена на такие мелочи внимания не обращала. Когда же у них родился сын, Игорь Михайлович о Феде и вовсе позабыл, ограничившись ежемесячными денежными отчислениями бывшей тётке. Да и зачем вспоминать Игорю не самое удачное прошлое, когда в виде младшенького сыночка Мишеньки росла и крепла с каждым днём его новая надежда? Уж теперь-то всё будет так, как надо!

Федя кое-как окончил среднюю школу. Хорошо ещё, что учителя, сочувствуя безвредному пареньку, просто-напросто закрыли глаза на его

«знания». Пожалели белобрысого парнишку, которого не очень-то жалели одноклассники. На унылом однообразном фоне трюков, вытянувшихся ровной шеренгой в аттестате о среднем образовании, сразу бросалась в глаза, словно заблудившаяся здесь, пятёрка по физкультуре – единственная по праву заслуженная оценка. Постоянные танцы, единственный Федин интерес, здорово помогли окрепнуть.

Не нужно стало ходить в школу, и парень, бездельничая, торчал на улице. Со всей Филейки приходила в их двор ребятня, чтобы подивиться на Федины пляски. Уламывать долговязого веснушчатого парнишку не требовалось. Когда собиралась пара-тройка зрителей, начинались просьбы: «Станцуй, Федя!». Он, не долго думая, пускался в пляс. Конечно, это были вовсе не те танцы, что мог показать Федя, находясь в ударе и сам того по-настоящему желая, но всё же, всё же...

В соседнем доме жила смуглая темноволосая женщина, лет на десять постарше Феде. После неудачного прыжка с парашютом она много лет оставалась прикованной к инвалидному креслу. За это время из стройной весёлой спортсменки превратилась она в недовольную жизнью толстуху. Её родители, когда погода позволяла, вывозили дочь во двор и оставляли на пару часов подышать свежим воздухом. Женщина эта, звали её Жанной, с тихой завистью поглядывала на Федины выкрутасы и злилась, размышляя: «За что умный, нормальный человек должен страдать, а какой-то слабоумный придурок скачет как хочет, словно издевается?».

К середине лета двор опустел. Слабый июльский ветерок не спеша ворочал по асфальту комки тополиного пуха. Вконец обленившиеся дворняги не жили на травке в тени, не обращая внимания на полусонную кошку, плетущуюся в сторону молочной кухни. Ребята поразъезжались кто куда. Скучавший в отсутствии зрителей Федя долго разглядывал соседку – точнее, её инвалидное кресло с большими блестящими колёсами. В руках Жанны покоилась нераскрытая книга, глаза прятались за солнцезащитными очками.

Парень подошёл:

– Страшно прыгать с парашютом? Я бы ни в жизнь не решился!

Женщина отвернулась, только фыркнула. Федя пошевелил носом, уловив исходящий от неё лёгкий и приятный фруктовый аромат.

– Хочешь, спляшу для тебя? Веселее станет. Я хорошо танцую.

– Да пошёл ты, идиот! – рот Жанны скривился от злости.

– Попросишь ещё, – парню стало не по себе.

«Она ещё попросит. Да-да, попросит», – думал он, уходя. В тот вечер Федя не танцевал.

Прошло несколько дней. Субботним пасмурным утром, выйдя из подъезда в безлюдный двор, Федя остолбенел от ужаса. Стая огромных бездомных псов кружила около Жанны, беспомощно вжавшейся в кресло. Собаки устрашающе рычали, от этих утробных звуков холодел копчик. Хвосты трубой, а с оскаленных клыков ручьями стекали слюни. Ещё мгновение – и псы, бросившись, разорвут женщину, а от кресла только колёса и останутся. Жанна сидела, объятая страхом, не смея пальцем пошевелить – не то что на помощь позвать.

Федя и сам от страха чуть не умер, веснушки на его лице покраснели и слились в одно большое пятно; он не знал, что делать. Вдруг откуда-то сверху заиграла музыка. Дальше – всё как во сне. Парень громко хлопнул в ладоши. Собаки, не отходя от Жанны, повернули пасти на звук. Тогда Федя прыгнул на открытый деревянный помост для малышей и застыл в нерешительности.

Женщина взмолилась:

– Ну что же ты?! Танцуй!

И парень начал отбивать топотуху. Стая рычащих псов переключила внимание на странного человека, они позабыли про женщину-инвалида и окружили теперь Федею. Первые секунды страх сковывал движения, но вскоре прошло. Федя вновь жил своей пляской. И не успел ещё парень разойтись, раздухариться, как собаки, жалобно заскулив, бросились наутёк! Останавливаться не хотелось, и Федя решил удивить зрительницу, выдав несколько эффектных движений.

Пустившись вприсядку, начал он исполнять довольно сложные комбинации, включавшие в себя разные трюки. Выбрасывал вперёд одновременно или поочередно ноги, закидывал сидя одну согнутую ногу на колено другой, перекатывался с носочков на колени и обратно с коленей на носки, приседал на правой ноге, одновременно взмахивая левой, а под конец, подпрыгнув высоко, опустился на шпагат. Это был не танец – торнадо!

Федя вскочил, коротко поклонился Жанне. Та, выдохнув, улынулась:

– Мне всё-таки пришлось просить, чтоб ты сплясал. Правда, хорошо танцуешь, и... мне стало веселее. Не обманул!

– Я никогда не обманываю, – переведа дух, серьёзно сказал Федя. Он неуверенно приблизился к спасённой.

– Отвечу на твой вопрос, – как ни в чём не бывало продолжила Жанна их былой разговор. – С парашютом прыгать совсем не страшно. Разве что первые секунды, потом проходит. Но, думаю, ты бы справился.

После этого случая они стали друзьями. Дни напролёт проводили вдвоём. Федя укачивал Жанну на природу, на берег Вятки, и там, где их никто не видел, танцевал только для неё.

– Знаешь, у тебя очень красивое имя, Фёдор, – как-то сказала Жанна. – «Теодорос» по-гречески значит «божий дар».

Временами она была грубовата, но Федя этого не замечал. Впервые в жизни у него появился настоящий друг. Его к Жанне тянуло.

Начался очередной призыв в армию, и Феде вручили под подпись повестку в военкомат.

5

Все, кто знал Федю, после очень удивлялись: как вообще его могли забрать в армию?! Но на учёте у психиатра он никогда (спасибо заботливому папе) не состоял, на медкомиссиях в отличие от многих здоровых лбов ни на что не жаловался. Плюс бардак лихих девяностых в стране. Целые дивизии скрывающихся от армейской службы, «закосивших», откупившихся – и вследствие этого огромный недобор по призыву. Короче, в армию запихивали всех, кто не спрятался. Так и оказался Федя в рядах Вооружённых сил Российской Федерации, на полигоне «Тоцкое» Оренбургской области.

Поначалу в армии ему пришлось совсем не сладко. Их взводный, старший лейтенант Соменов, – мужик что надо: невысокий, жилистый, справедливый. Но уследить за всем глаз не хватало. Доставалось молодому бойцу от «дедушек» за нерасторопность, особенно – от неравнодушного к нему ефрейтора Шестопалова, увальня-переростка родом из-под Рязани. Шестопалов, недавно разжалованный из сержантов за пьянку, был командиром их отделения.

Незавидная доля сблизила Федю с однопризывником рядовым Альбертом Рахметовым, тихим пареньком из глухой деревушки. Их обоих гнобили сослуживцы, и сообразили собраться по

несчастью, что вдвоём-то оно всё-таки легче тягосты армейской жизни переносить. Федя так толком и не понял про Альберта: он татарин, призванный из Башкирии, или, наоборот, башкир из Татарстана. Да это было и неважно. Главное, этот смуглый угреватый парень почти всегда находился рядом. Они много общались, хоть и плохо понимали друг друга, так как Алик в русском языке разбирался лишь чуточку лучше, чем Федя – в татаро-башкирском.

– Скажи, а как по-вашему будет «ангел»? – Федя махал руками, словно крыльями, чтобы друг понял, о чём спрашивают.

– А-а-а, кош*! – догадавшись, радовался Альберт Рахметов.

– Эй, придурки, а ну хорош порожняк гнать! Схватили тряпки и упали на «взлётку!» – прерывал их лингвистический практикум злой ефрейтор Шестопалов. – И чтоб через пять минут пол блестел как новенький!

И они в который раз за день драили с мылом «взлётку» – пол казарменного коридора. Но провонявший кирзой и портянками линолеум никак не желал доходить до указанной ефрейтором степени блеска. Танцевать в армии было некогда. Лишь однажды сержант, раздававший почту, потребовал сплясать за письмо. У Феде от радостного предвкушения чуть сердце не выскочило из груди. Но сержанта срочно вызвал комбат – и он, сунув Феде пахнущий фруктами конверт, пулей вылетел в сторону штаба. Другой возможности сплясать не случалось...

Прошло полгода. На обычном утреннем построении командир зачитал приказ о направлении бригады для выполнения боевого задания в горячую точку. Грозно гаркнул: «Кто не желает – выйти из строя!» Федя и Алик переглянулись: ни тот, ни другой толком не поняли, о чём вещает командир. Из строя никто не вышел...

Первое время Федя считал, что «горячей» точка, куда их доставили военно-транспортным самолётом, называется из-за постоянной жары. Температура редко опускалась ниже тридцатки, а солдат теперь заставляли таскать тяжёлую каску и бронежилет с металлическими пластинами. Частенько посылали на задания; называлось это «зачистка». Солдаты, обливаясь солёным потом, шли цепью через чужой лес, чужое поле, через чужое селение. Всё в этих краях казалось непонятным, чужим, лишь небо остава-

* Кош – птица (и по-татарски, и по-башкирски).

лось своим. Небо везде одинаковое. Одно на всех и каждому родное...

Зачистка походила на манёвры, только иногда кого-то могли ранить или даже убить. Потом они долго охраняли шлагбаум на просёлочной дороге. Называлось это «блокпост». Было их там два отделения (бойцов по десять в каждом). Неподальёку примостилась полуразрушенная, ставшая никому в этих краях не нужной старая часовенка – память о прадедах, покорявших Кавказ. Федя обнаружил в часовенке стреляные гильзы, мусор и пару кучек собачьего дерьма. Он не переносил беспорядок. Поэтому, когда выдалась свободная минутка, отправился туда на уборку. Увязался за товарищем и Алик. Друзья как могли отчистили покорёженное строение. А когда возвратились, получили хороший втык от старлея Сомова.

– Два наряда вне очереди каждому за нарушение приказа! Что, пулю от снайпера схлопотать захотели? Ведь сказал: без разрешения территорию блокпоста не покидать!

Глаза командира вдруг округлились, вмиг осипшим голосом он обратился к Феде:

– А ну тихо! Замри и стой, не шевелись.

Но ошарашенный Федя сдвинулся на шаг от хрипевшего командира и ступил на что-то мягкое, упругое, живое. Федя увидел, как сразу сморщился Сомов и как стоящий рядом его смуглый друг Альберт Рахметов, глядя на Федины ноги, в момент вдруг сделался бледным. Напуганный Федя глянул вниз: втопанная сапогом в землю, под его ногой извивалась гигантская гадюка – гюрза. Она шипела и отчаянно крутилась, но ужалить своего невольного обидчика даже не пыталась. Федя приподнял ногу, и змея тёмной молнией утекла прочь.

– Что же ты за человек, раз тебя змеи не жалят?! – вырвалось из пересохшего горла командира. – Может, тебе и снайперы нипочём? Но два наряда остаются!

Медленно уплывали в прошлое дни, похожие один на другой. Время тянулось, словно бабушкино сгущённое молоко, только вкус у него был с горчинкой. Развлечениями блокпост не баловал. Иногда солдаты дулись в карты или лениво разгадывали сканворд. Как-то, маясь от безделья, ефрейтор Шестопалов устроил проверку порядка в тумбочках (тумбочками именовали деревянные ящики, притащенные бойцами на блокпост из развалин бывшего магазина). Порывшись в Фединых вещах, извлёк конверт, под-

писанный аккуратным почерком. Зачем-то понюхал. Тонкий след фруктового аромата приятно пощекотал фантазию Шестопалова.

Ефрейтор, примерив на себя роль особиста, развернул письмоце. Вскоре он заржал, привлекая всеобщее внимание, и принялся перечитывать послание вслух:

– Дорогой Федя, я очень рада, что ты жив и здоров. Приятно, что часто вспоминаешь обо мне. Родители, наконец, смогли собрать нужную сумму, я ждала этого несколько долгих лет. Меня поставили в очередь на операцию. Отзы-вы о враче – отличные! А он, врач, обещает: я смогу забыть про инвалидное кресло. Конечно, с палочкой придётся походить, но через полгода тренировок буду как новенькая. После того, как всё это узнала, сразу и жить захотелось. Я уже сбросила два кэга! Если так пойдёт, следующим летом выйду на пляж в своём коронном купальнике! Теперь о главном. Ты меня, Федя, прости, но принять твоё предложение я не могу, лучше сказать тебе об этом сразу. Пойми, мы абсолютно разные люди. Ты очень молодой и обязательно встретишь ещё свою половинку. Я всегда буду помнить, как ты спас меня от своры собак и помогал преодолеть депрессу. Давай останемся просто друзьями. Может, когда вернёшься, прыгнем вместе с парашютом? Жанна.

Служивцы, поначалу наострившие уши в предвкушении хохмы, теперь виновато потупили взгляды.

А Шестопалов давился от смеха:

– Вот как оно! Нашему Ромео отказали!

Подошедший Федя, сжав кулак, заехал верзиле ефрейтору в шнопок. Бил неумело, но что есть мочи. Шестопалов пошатнулся, из сломанного носа выбежала струйка крови.

– Ах, так ты на командира отделения руку поднял?! – взревел подраненный амбал.

Он ринулся на Федю, но сослуживцы удержали, не дали в обиду полюбившегося всему взводу безобидного паренька. Все они, включая старшего лейтенанта Сомова, к тому времени прекрасно понимали, что Федя оказался в армии по ошибке, не его это место. Ребята берегли парня, потому что сам себя беречь он не умел.

Он не должен был попасть тогда в плен, никак не должен.

В тот тёплый осенний вечер дремавшего перед караулом Федю разбудила громкая ругань.

Это их старлей обменивался любезностями по рации с соседним блокпостом. Закончив короткий разговор, Сомов поднял свой взвод командой: «В ружьё!».

– Соседей атаковали, идём на выручку. Слушай приказ! – взводный чеканил слова. – Отделению старшего сержанта Матунова в полном составе занять оборону, перекрыть движение, усилить бдительность: возможно нападение. Отделению ефрейтора Шестопалова приказываю на бэтэре выдвинуться на помощь соседям, я возглавлю. Матунов, командуй здесь. Выполнять!

Бойцы пришли в движение. Сомов успел поймать за локоть сорвавшегося с места Федю.

– Здесь останешься, – и, взглянув в недоумённое лицо подчинённого, добавил: – Бэтээр не резиновый – все не поместимся. Понял?

– Так точно, понял.

Быстро проверив расстановку остающихся бойцов и отдав последние распоряжения, взводный запрыгнул на ревуший от нетерпения БТР. Машина тут же сорвалась, унося их за клубы пыли в неизвестность. Почти сразу Сомов обнаружил Федю. Тот зажался между рядовыми Рахметовым и Кузнецовым, пытаясь спрятаться от глаз взводного. Командир в сердцах сплюнул.

– Товарищ старший лейтенант, я сморщился – и места всем хватило! – отрапортовал слегка дрожащий, но довольный своей находчивостью боец.

Рядом скалил свою белозубую татаро-башкирскую улыбку его друг Алик.

Взводный склонился к сидящему рядом Шестопалову и, кивнув в сторону не в меру инициативного бойца, коротко бросил:

– Глаз с него не спускай, за Федю ты отвечаешь.

Решив таким образом проблему, Сомов принялся лихорадочно обдумывать, как лучше использовать фактор неожиданности для помощи соседям. Несколько минут они неслись по дороге, уходящей в горы. Вдруг бронетранспортёр резко подбросило. Если б не оглушительный грохот, можно было подумать, что машина налетела одним колесом на здоровенный камень. БТР застыл как вкопанный, послышались глухие выстрелы. Под лязг пуль, отскакивавших от брони и дорожных камней, солдаты спрыгнули с машины и заняли круговую оборону.

Их позиция оказалась крайне невыгодной: кругом возвышались скалы, откуда шёл шквальный огонь. Солдаты были как на ладони. Попря-

тались за камни как могли, отстреливались. К ночи от попавшего в засаду отделения осталась половина. Огонь с догравшего бронетранспортёра бросал тусклые блики на скривлённое, перепачканное лицо истекавшего кровью старлея. Он давно лежал без сознания.

У Федя и Алика боеприпасы закончились и свои, и те, что удалось найти у погибших сослуживцев. Немного патронов имелось у двух оставшихся ещё в живых более бережливых бойцов – ефрейтора Шестопалова и рядового Кузнецова. Но этого явно не хватит! Тут-то и появились они. Враги шли в полный рост, человек сорок, смеялись сквозь чёрные бороды, словно обкуренные.

Их крики на чужом языке перемежались исковерканными русскими словами:

– Ну что, э-э-э, патроны кончился? Вылаз сюда, собака, рззать будэм!

Когда противники подошли вплотную, оцепеневший ефрейтор Шестопалов бросил автомат и поднял руки.

– Вот умныца, – обрадованно гаркнул тот, что был ближе, и направил дуло в сторону Кузи. – А ты что? Герой, да?

Он не успел закончить. В следующее мгновение его череп пробили пули. Рядовой Кузнецов успел зацепить ещё одного врага, на этом патроны кончились. А через две секунды изрешечённое тело героя легло бездыханным в траву.

Так оказались в плену эти четверо: рядовые Федя и Алик да их командиры – ефрейтор Шестопалов и старший лейтенант Сомов. Раненый взводный, которого ребята притащили на руках, лишь через сутки пришёл в сознание, но оставался очень плох. Их пару раз перевозили с места на место, допрашивали, выбивали с них за освобождение выкуп. Но так получилось – взять с этих русских было нечего. Вся деревенская родня Рахметова и Шестопалова не смогла бы собрать и десятую часть требуемой суммы, Федина бабушка – тоже (а про отца лучше и не вспоминать); ну а Сомов с бандитами общаться отказался.

Вскоре оказались пленники на базе в лесу. Тут приметил Федя ещё двоих пленных, точнее заложников. Не солдаты, а какие-то иностранцы, журналисты – мужчина и женщина с измождёнными лицами, возрастом лет около пятидесяти. Их держали отдельно, да и общались с ними куда как лучше. Солдат же бро-

20

сили в глубокую вонючую яму, закрытую сверху решёткой. Охранник, постоянно торчащий сверху, считал своим долгом время от времени помочиться на них. Раз в день пленным бросали какие-то объёдки и бутылку воды. Периодически их вытаскивали и начинали бить, иногда тыкали ножами, при этом иностранцы с выпученными глазами всегда сидели на земле чуть поодаль.

Во время издевательств и пыток мучители никогда не спешили. Растягивали процесс, словно получая от этого какое-то извращённое удовольствие. Они могли отвлечься, словно позабыв о пленных и долго-долго обсуждать что-то на своём гыркающем наречии. В такие минуты Алик шёпотом молил Аллаха, чтобы изверги больше не подходили к ним. Но чудо не спешило произойти. Словно вспомнив о том, зачем они здесь, бородачи в камуфляже как бы нехотя возвращались к своей «работе». Иногда живодёры заводили беседу со своими жертвами, расспрашивали как ни в чём не бывало о жизни, о планах и мечтах. А потом снова доставали свои длинные ножи и принимались ковырять ими плоть связанных пленников. Сколько раз пожалел Федя, что не оставил в том бою напоследок гранату, как завидовал он лёгкой участи своего товарища рядового Кузнецова!

Алику доставалось больше других. Вот и на этот раз со словами: «Слушай, брат, ты же муслим, пойдём говорить о вере» его вновь увели с глаз.

Через некоторое время он вернулся к сослуживцам сильно избитый, шипя под нос:

– Ничего, каждой душе воздастся добром за добро и злом за зло.

– Когда же воздастся? – спросил Федя.

– Воистину, Аллах скор в расчёте.

– Значит, скор, говоришь?

– Не я. Коран говорит. Сура четырнадцать, аят пятьдесят один.

В Фединых глазах все их палачи были словно на одно лицо. Выделялся лишь коренастый бородач с гладко выбритым черепом, по которому тянулся шрам. Мустафа. Похоже, нездешний; говорил негромко, мало, но к его словам остальные всегда прислушивались. На Федю этот супостат как-то особенно недобро посматривал, в такие мгновения холод ужаса сковывал пленного: «Что может быть на уме у такого?».

В один из дней Федя услышал от мучителей приятное сердцу слово: «музычка». Он навос-

трил уши: посреди чужой гортанной речи оно всплывало снова и снова. Вскоре пленники с удивлением увидели в толпе черноволосых бородачей симпатичного стройного русского парня. Его здесь раньше точно не было. Светлые кудрявые волосы, синие глаза, гусарские усики; парень постоянно улыбался, шутил. Федя так хотел крикнуть ему: «Ты что?! Беги скорее, убьют!» Но парень, подойдя со всей толпой к пленным, принялся обзывать их самыми гнусными ругательствами.

Одно непонятное слово Федя запомнил, а вечером спросил Сомова:

– «Москали» – это что значит?

– Значит – русские, – ответил командир.

– А он, что, не русский? – не понимал Федя. – Имя-то нашенское, Сашкой они его называли.

– Значит, не русский, раз сам так решил. Отребье он бандеровское, – Сомов тяжело вздохнул. – Запомни, парень, раз и навсегда: бандит – он и есть бандит. Нет у него ни нации, ни вероисповедания.

Федя кивнул, будто что-то понял...

21
Как-то во время очередного перерыва между пытками, когда лежащие в пыли на полуденном солнцепёке связанные солдаты, перепачканные кровью, грязью, потом, слезами и ещё неизвестно чем, начали потихоньку приходиться в себя, увидели они, что у палачей появилась новая безделушка – проигрыватель компакт-дисков. Живодёры долго тыкали кнопки, пытаясь включить устройство, а когда завели музыку – принялись лихо отплясывать заводной, энергичный танец. Федя впился в танцующих неприятелей глазами, жадно ловя каждое движение. Танец завораживал. Федя сам не понял, как начал поддёргиваться в такт.

Бородатые воители скоро заметили странное поведение русского. Улыбаясь, они развязали его и принялись подталкивать: «Давай-давай, танцуй». Федя сделал несколько робких движений. Недруги гоготали – им понравилось; стали хлопать в ладоши. Федя отрешённо сплясал; это был самый простой танец, но и он произвёл впечатление.

Пленных отвели в яму, а через несколько минут сверху послышалось: «Федя, эй, держи за танец!» И ему в руки упала большая ароматная лепёшка.

Федя разломил хлеб. Голодные солдаты с жадностью накинулись на еду. Скорее всех про-

глотил свою долю ефрейтор Шестопалов. Он не мог отвести взгляд от последнего, оставшегося нетронутым куска. Но Федя поднёс его взводному. Тот лежал неподвижно, отвернувшись к стене.

– Поешьте, товарищ старший лейтенант.

– Пропади ты, шут гороховый! – Сомов не поворачивался. – Перед зверьём этим, под их дудку пляшешь – позоришь и нас, и себя!

Федя от таких слов чуть не поперхнулся, он об этом и думать не думал. Парень сгорал от стыда. Ведь если начистоту – отплясывая для врагов, он получил небольшое удовольствие, точнее отдушину. Ему так не хватало этих танцев, но...

– Больше не стану для них танцевать. Простите, товарищ старший лейтенант.

7

Тихими рассветными отблесками сквозь решётку в яму к узникам прокрадывался новый день. Если те из них, коим суждено сегодня умереть, узнали бы об этом, то наверняка особо и не расстроились. Всё шло как обычно: ближе к полудню пленных вытащили на пытки. Лица сидящих чуть поодаль иностранцев застыли такими кислыми минами, словно это над ними, а не над русскими ежедневно проводят мучительные эксперименты. Хотя... в этом тоже своя правда: журналистов пытали, но не физически, а морально. И психологические опыты, проведённые с ними, похоже, принесли свои плоды: иностранцы были полностью сломлены.

Четверо солдат оказались на поляне, где их всегда пытали. До Фединых ушей доносился ставший привычным в такие минуты шёпот Алика:

– Бисмиллях, бисмиллях, бисмиллях... Ля иляха илля Ллах.

– Так что же такое ты всё время шепчешь? – спросил тихонько Федя.

Но Алик, закрыв глаза, не слышал друга. Его правая щека нервно подёргивалась.

За него ответил Сомов:

– Господа прославляет по-своему... Спаси и сохрани нас, Христе Боже!

Чуть в стороне виднелась фигура скрюченного на карачках человека в камуфляже. Федя узнал Мустафу, который застыл, уткнувшись лицом в траву. Наконец он поднялся от земли, вскинул руки к небу и, поклонившись в сторону солнца, открыл глаза. На загорелом черепе Мустафы блестели капельки пота. Их взгляды

встретились, и Федя сразу же отвернулся. Краем глаза он видел, с каким презрением Мустафа сплёвывает в его сторону.

Из динамиков донеслась вчерашняя музыка, парень услышал смех и обращённые к нему взгляды:

– Федя, эй! Давай танцуй!

– Не буду, – к удивлению палачей на этот раз ответил пленник.

Бородатые воины немного поугovarивали. Не добившись повинения, принялись избивать. Вначале хлёсткие пощёчины обожгли Федино лицо, вскоре они переросли в глухие удары по голове, а когда пленник упал – почувствовал рёбрами и почками удары тяжёлых сапог. С трудом разлепив глаза, увидел парень Мустафу. Тот медленно приближался, поигрывая своим острым ножом, лезвие которого слепило отражавшимся солнцем.

Мустафа наклонился, рванул с земли за волосы Федю и, приставив к его горлу нож, забормотал что-то непонятное. Федя чувствовал острое лезвие, коснувшееся шеи, понимая: это конец. В глазах парня потемнело, сознание покинуло его...

Когда через некоторое время солдат пришёл в чувство – обнаружил себя всё на той же поляне. Огляделся.

Улыбнувшийся краешком губ взводный еле слышно похвалил:

– Мужик!

– Почему он меня не прикончил? – спросил Федя.

Сомов подбородком указал на движуху, что началась в лесном лагере. Вскоре пленные поняли: на базу прибыл какой-то большой командир – и визит этот не сулит ничего хорошего. Командир оказался невысоким худым человеком с пронизательным взглядом из-под густых седеющих бровей. В окружении воинов подошёл он к пленникам.

Улыбаясь, не обращая никакого внимания на связанных, стал отдавать распоряжения.

– За этих, – он кивнул в сторону иностранцев, – пришла первая часть выкупа. Их я сейчас заберу с собой.

– Что делать с русскими?

– Пользы от них никакой, свою задачу эти собаки выполнили, теперь они не нужны, – командир мельком глянул на четверых измождённых пытками солдат, поморщился. – Прикончите их.

Тут одному из кровопийц пришла идея позавбавить командира перед отъездом – показать, как пляшет Федя. И вновь посылались приказы танцевать, но Федя не сдавался.

– Смотри, шакал, что с тобой будет, если сейчас плясать не станешь, – с этими словами зверь в человеческом облике подошёл к ближайшему пленнику, Альберту Рахметову. Изувер схватил его сзади за волосы – так же, как недавно хватал Федю, и одним отточенным движением перерезал Алику горло...

Потрясённый Федя не мог оторвать глаз от бездыханного тела убитого друга.

– Ну что, Федя, будешь плясать?

Федя, всё ещё пребывавший в ступоре, не отвечал. Между тем убийца приблизился к старлею Сомову.

– Режь скорее, собака, – процедил тот сквозь зубы.

– Э-э-э, нет. Куда спешишь, пожить не хочешь? А ну прикажи своему солдатику, пусть спляшет, порадует нас.

– Не дождётесь, сволочи! Режь, кому говорят! Нелюди вы, даже убить нормально не можете!

Улыбающийся живодёр не спешил, на глазах Феде резал старлея медленно. Федя всё пыривался вскочить, что-то сделать, да хоть сплясать для этих извергов, если им так приспичило. Но всякий раз останавливал парня стальной взгляд Сомова. Продолжался этот кошмар около часа.

Дошла очередь до ефрейтора Шестопалова. Весь бледный, он уже трясся от страха.

– Ты так легко не отделаешься, – предупредили кровопийцы...

Обезумевший ефрейтор завопил Феде:

– Да спляши ты им, идиот! Не видишь, чё они задумали? Танцу-уй, по-жа-а-луй-ста-а!

Федя вскочил. Что делать, придётся поизображать танец, как иначе? Заиграла музыка. Танцор нехотя принялся за дело.

– Э-э-э, плохо танцуешь! Придётся этого дылду маленько укоротить! – раздались недозвольные голоса.

Федя ускорил ритм, включил в танец пару движений позамысловатей, и неприятели начали ему подхлопывать.

– Ай молодец! Давай танцуй. Как остановишься, так твоему приятелю башку отрежем!

И Федя плясал. Не хотел этого делать, но его заставили. Танец шёл тяжело, еле-еле. Не хватало в нём той искорки, того волшебства, что

расцветчивало его танцы раньше. На небе не было ни единого облачка, и солнце жарило, словно большая печь. Силы у измождённого неделями плена парня таяли на глазах. Это был не танец – одно название. Он начал сбиваться, ноги заплетались. Федя держался как мог. Казалось, он танцует целую вечность.

У Шестопалова, видевшего, как замедляются движения сослуживца, от которого зависела теперь его жизнь, слёзы бежали по щекам, и он умолял:

– Танцуй, только танцуй, не останавливайся!

Но даже он понимал: танец не может длиться бесконечно.

Прошло какое-то время, и измождённый Федя рухнул на землю. Наблюдавшие за ним вымотанные до предела бородачи в камуфляже устало молчали. Через минуту очнувшийся Муштафа перерезал ефрейтору горло.

– По крайней мере, его не пытали, не зря старался, – бросил Феде убийца. – А с тобой мы, пожалуй, до завтра обождём. Утомил ты всех своей пляской.

Такая отсрочка приговора имела и практическую сторону. Нужно было оттащить три трупа подальше от лагеря и закопать. Сделать это заставили Федю, дав сначала чуток отдохнуть – иначе бы он просто не справился. Седобровый командир, поужинав, отбыл. Уже смеркалось, когда Федя под присмотром вооружённого автоматом одиннадцатилетнего мальчишки, сына одного из воинов, закопал товарищей.

Погода менялась: чуть накрапывал дождик, принося облегчение. Всё-таки осень начинала заявлять о себе. В лагере опять играла их музыка.

– Эй, Федя, смотри, как танцуют настоящие мужчины! – молодой воин со стеклянными глазами, громко прокричав что-то непонятное, принялся лихо выплясывать.

У измождённого Феде кружилась голова: его буквально давил, побеждал этот энергичный танец. Шатаясь, брёл пленник к зиндану, а рядом всё кружил в резких дёрганных движениях этот танцор. У чуть живого парня подкосились ноги, и под дружный гогот оравы недругов он кубарем скатился в свою темницу. А сверху над ним под громкий хохот и хлопки всё кружил и кружил в дикой пляске его победитель. Наконец и он устал. Шум возбуждённой толпы удалялся.

Захлопнулась сверху решётка. На фоне тёмного неба Федя различил силуэт Мустафы. В воцарившейся тишине тот прохрипел:

– До завтра, Федя. Спокойной ночи.

8

Капельки дождя булькали, падая в ночной тиши в небольшую лужицу на дне ямы. Федя валялся, не понимая, где он: во сне или наяву. В голове мелькали какие-то картинки. Вот он маленький вертится, хлопая ладошками с растопыренными пальчиками, перед пьяными гостями, которые весело кричат: «Танцуй, Федя!». Вот мама обнимает его нежно-нежно, Федя заглядывает ей через плечо и видит чуть поодаль мужчину в сияющих одеждах: «Ангел!». Вот молодая симпатичная девушка делает шаг в небеса и летит, раскинув руки в свободном падении: «Страшно только первые секунды, потом проходит!». Вот его друг Альберт Рахметов, которого Федя обнаружил в пустой казарме. Алик уткнулся лицом в пол, никак не реагирует на удивлённые Федины вопросы. Затем он встаёт, что-то непонятное шепчет, подняв руки к потолку, делает поклон и открывает глаза: «Так нужно делать, дед научил».

Стало очень сыро и холодно. Федя отворил очи, ему показалось: в этой яме он не один. Так и есть, наконец-то! Радостная улыбка впервые за долгие недели озарила Федино лицо, но начал разговор он с упрёка:

– Почему тебя так долго не было? Я ждал. Ты был мне нужен!

– Я здесь, чтобы помочь.

– Ты опоздал, чуть пораньше бы! Вчера они зарезали трёх моих товарищей.

– Я вовремя. Твои товарищи получают каждый свою награду, а для тебя ещё здесь дело найдётся, – ангел огляделся по сторонам. – Тесновато тут, крылья толком не расправить, того и гляди замараешься, но давай ближе к делу. Что тебя сейчас так сильно печалит?

– Да как сказать, – Федя потупился. – Вот спасёшь ты меня, а что дальше? После всего, что случилось, как я смогу танцевать?

– Странные вы создания, люди, и проблемы у вас странные. Нам вас, наверное, никогда не понять...

– Моя жизнь – это танец. Ничего другого я не умею. Я думал, что, танцуя, буду радовать людей, помогать им. Но взводный Сомов был недоволен, когда я тут плясал, и его убили. Ефрейтор Шестопалов, наоборот, просил, чтобы я

танцевал как можно дольше, но я не смог спасти его. Мой танец утратил силу. Ты понимаешь, о чём я?

Парень умоляюще глядел на гостя. Ангел молчал. Федя разгорячился, глаза блестели в темноте, отражая свет ангельского облачения. Капельки пота и дождя, смешиваясь, текли по грязному лицу солдата. Не замечая их, он продолжал:

– Для меня очень важно: смогу я танцевать так, как раньше, или нет. Понятно?

– Нет. Не могу понять, почему это так важно, – ангел пожал плечами. – Но можешь не беспокоиться. Ты ещё станцуешь... Мне пора.

– Постой! Что же мне делать?

– Танцуй, а я тебе помогу.

Резкий взмах крыльев на мгновение словно разрезал и стены, и решётку. Ангел исчез...

Солнечные лучи блёклым светом чуть пробивались сквозь густые облака, не желая прикасаться к этому грязному миру. Отдохнуть толком не удалось. Но Федя, умывшись из лужи, почувствовал свежесть и бодрость. Откуда только силы берутся?!

Его вели, чтобы зарезать, по раскисшей за ночь дороге. Грязь хлюпала под ногами. Нудный дождь лил всё сильнее, поэтому собравшиеся на поляне супостаты желали скорее кончить дело. Федю поставили на колени. Мустафа, играя ножом, подошёл к нему сзади. Федя находился в некотором замешательстве. Вдруг позади палачей мелькнула знакомая фигура. «Ангел. Он меня не бросил!» – Федя заулыбался. Некоторые из бородатых воинов обернулись в недоумении: на кого так уставился пленник?! Но позади виднелись лишь мокрые деревья. Мустафа занёс острый нож. Ангел кивнул Феде.

– Стойте! Мне перед смертью положено последнее желание! – крикнул Федя.

– Э-э-э, ты сказок в детстве читался, да? – палачи заржали над его требованием. – И что же такое ты пожелаешь? Мы тебе выбор предоставить можем. Язык тебе вначале отрезать или уши? Чего желаешь?

– Хочу сплясать!

– Нашёл время! Видишь, погода неподходящая?

– В последний раз! Перед смертью! – настаивал Федя.

– Не наплясался вчера, что ли?

Но всё же иродам стало интересно:

– Ладно, уговорил, танцуй, но чтобы по-настоящему. А как остановишься, тут тебе и конец!

Раздражённый Мустафа ослабил хватку. Федю вытолкнули на середину поляны. Музыка на этот раз не было: изуверы не хотели портить проигрыватель под дождём.

Над лагерем раздался крик одного из живодёров:

– Идите все смотреть Федин прощальный танец!

Федя расправил плечи, огляделся. К поляне, несмотря на противную погоду, подтягивались воины отряда Амира. Жажда зрелища пересилила желание остаться в сухих укрытиях. Федя стоял посреди врагов, один против всех. Перед глазами, как в кино, в мгновение ока пролетела вся жизнь. А внутри что-то зарождалось, какое-то пьяняще-сладкое предчувствие. Пора начинать!

9

Федя негромко хлопнул в ладоши, выпрямился, откинув слегка назад голову, упёр руки в бока, затем скрестил их на груди и стоял так некоторое время, сосредотачиваясь перед пляской и давая возможность недругам прочувствовать важность момента. Первые секунды было страшно, но это быстро прошло. Федя ударил подмёткой дырявого сапога по мокрой земле, грязь брызнула в стороны. Он широко взмахнул руками – и танец начался.

Сперва он выплясывал не спеша. Стоял на месте, выделявая разные коленца ногами, двигая плечами и всей верхней частью тела. Но постепенно темп танца возрастал. Федя завертелся волчком на месте, бросился в грязь на колени, принялся носиться вприсядку, ползунком, вывертами, дрыгая ногами в разные стороны. Им овладел азарт, он плясал с увлечением, с полной отдачей себя танцу, а в голове звучали, сменяя одна другую и всё ускоряя ритм, мелодии русских народных плясовых.

Вскоре его настроение передалось бородастым зрителям, которые до этого момента считали, что красивей и мужественней их танцев ничего в мире нет. Но теперь на лицах извергов читались и удивление, и восторг; они невольно принялись хлопать в ладоши: всё быстрее, быстрее...

Федя обильно сдабривал танец множеством приправ: он притопывал, прихлопывал, дробил. В ход шли подскоки и присядки. Он отдавал пляске весь свой темперамент и удаль, неожиданно

данно пробудившуюся в нём мужскую агрессивность, невесте откуда взявшийся бунтарский дух, всего себя. Федя вкладывал в танец всю душу, всю жизнь. Его глаза полыхали, щёки румянились, лохмотья одежды развевались от скорости движений.

Он плясал, импровизируя, чередовал приёмы, составляя танец из фигур, на ходу меняя их последовательность. Диким вихрем кружились поднятые с земли и сорванные с деревьев листья. Трава встала дыбом, как шерсть на волчьем загривке. По бородастым лицам, словно раздавая пощёчины, хлестал дождь. Лихая Федина пляска разбирала врагов по косточкам, а ноги их сами начали подёргиваться. Никто теперь не хлопал, но в ушах каждого гремела музыка – та, которую слышал Федя. Казалось, ещё немного – и всё кончится каким-то коллективным безумием.

Пляска понеслась с невероятной скоростью. Федя был в ударе, двигался с лихостью, разудалостью и некоторой грубоватостью. Все его отточенные движения сопровождались хлопками, ударами ладонью по колену или подошве, присвистыванием и громкими выкриками. Он махал головой, двигал плечами. Особо выразительными были движения рук. Ими он взмахивал в наиболее эмоциональные моменты пляски, хлопал под музыку, ударяя ладонями по собственному телу, по голенищам сапог.

Оцепеневшие мучители стояли столбами не в силах пошевелиться, лишь конечности их трясла судорога. Федин танец захватил весь мир. Теперь Федя делал то, что хотел. Он мог казнить и миловать. От его движений вихрился воздух. Брызги из луж разлетались, больно обжигая заляпанных грязью палачей, больше похожих теперь на жертв. А от танца вприсядку – горы дрожали вдали. На тёмном небосклоне ослепительно сияли молнии, грохотал гром. Федя чувствовал: это его лучший танец. Не танец – ураган!

Дикий ужас объял врагов. Их оружие, вывалившись из бесчувственных рук, давно мокло в грязи. Еле ворочая языками, они просили, умоляли:

– Пере-стань, пожа-луй-ста! Ха-а-атит!

Из ушей и носов изуверов текла струями кровь. Мустафа трясся в агонии, дико вращая глазами. Ироды дёргались в судорогах, корчась от диких мучений и сознавая: ещё немного – и все они тут сдохнут, Федин танец убьёт их!

Оглухнув от боли, не чуя себя, Мустафа вместе с другими дико вопил:

– Остановись! Не на-до! Сто-о-ой!..

Федя ощущал прилив силы, он сможет танцевать сколько захочет. Но парень слышал крики этих душегубов, молящих о пощаде. Враги, корчась от боли, просили остановиться. Действительно: может, хватит?

Тут за спинами врагов он вновь увидел знакомого ангела. И ангел молвил:

– Танцуй, Федя!

P. S. Жаль, но в жизни чудеса случаются слишком редко. И у этой истории, к сожалению, есть продолжение...

Действительно, люди так устроены: желают, чтобы добро побеждало. Всегда. Но жизнь – штука сложная. Иногда одержанная победа – лишь иллюзия, грёза. И тогда, открыв глаза, человек вновь оказывается по шею в грязи...

Когда дождь, шедший несколько дней кряду, прекратился, Федю ещё долго трясло. В яме было липко и влажно. Наконец лохмотья на израненном теле начали подсыхать, и парень потихонечку осознал реальность.

Остававшиеся сомнения разрушил окрик сверху:

– Эй, псих, ну что, успокоился? Кончилось осеннее обострение? Ну ты и орал! Да и вертелся в яме, как пропеллер. Гы-гы-гы!

От обиды Федя с силой прикусил губу. На подбородок вытекла струйка крови, но боли почти не ощущалось. «Я псих. Да-да, я самый настоящий псих! И опять эти видения. Проклятая осень, проклятые дожди!» Парень не знал, куда деться от горечи, накрывшей его с головой. Федя дважды врезал себе по лицу – не помогло. В одиночестве сидел он на дне ямы, а слёзы текли и текли по щекам. Вскоре он почувствовал жар, затем озноб и ломоту в костях. Дни, проведённые под дождём в сырой яме, не прошли даром...

Теперь он постоянно ждал конца. Надеяться больше не на что. Но странно – Федю не убивали, даже подкармливать стали лучше; микстуру какую-то выпить приказали. И парень пошёл на поправку.

Чудо всё же произошло, обрушилось неожиданно! За Федю пришёл выкуп – большие деньги! Радость освобождения омрачалась тяжкими воспоминаниями, но всё же это была радость!

P. P. S. Хмурая зима была далеко позади. В разгромленном лесном лагере – мёртвая тишина. Обглоданные шакалами куски трупов, разбросанные меж воронок, – всё, что осталось от группировки Амира после сокрушительного ракетно-бомбового удара. Смердящие куски! Какие из них были некогда Мустафой – сможет определить разве лишь генетическая экспертиза...

Федя давно дома. Месяцы, проведённые в палате областной психиатрической больницы, – словно кошмарный сон. Парню гораздо лучше, и они снова вместе! Тёплый ветерок, набегающий с Вятки, ласкает их лица. Федя чувствует тонкий фруктовый аромат – самый лучший запах на земле. Они гуляют вдвоём, и всё здесь с детства родное, своё: каждая кочка, каждый камешек, каждое дерево. И даже это небо, кажется, принадлежит только им. Но Федя знает теперь: небо везде одинаковое, одно на всех и каждому родное. Родное, да. Но лишь до тех пор, пока человек сам от него не отвернётся...

Они направляются на природу в их укромный уголок, подальше от посторонних глаз. Федя идёт, толкая перед собой инвалидную коляску с его «ангелом-хранителем». Сегодня он снова для неё станцует!

Жаль, конечно, что долгожданную операцию Жанне пришлось отложить. Деньги (большие деньги!) придётся копить снова. Ещё несколько лет в инвалидном кресле! Зато рядом её Фёдор, её Божий дар.

